

УДК 903:29

ДРЕВНЕГЕРМАНСКОЕ ДРУЖИННОЕ СООБЩЕСТВО ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИИ И НАРРАТИВНОЙ ТРАДИЦИИ

С. В. Нечаева

Пермский государственный национальный исследовательский университет, 614990, Пермь, ул. Букирева, 15
Nechaeva310@yandex.ru

Анализируется проблема функционирования и структурирования древнегерманского военного сообщества на основе сопоставления нарративных (труды римских историков и агиографическая литература) и археологических данных. Рассматривается развитие и укрепление статуса военного сообщества древних германцев во взаимосвязи с их религиозными воззрениями, что позволило говорить об изменении характера захоронений. Выясняется, что изменение характера захоронений соответствует и региональной специфике германского мира, которая нашла отражение в военной иерархии германского сообщества и статусе оружия. Особое внимание уделяется типологии вооружения и роли того или иного оружия в жизни древнегерманского воина.

Ключевые слова: нарративные источники, агиографическая литература, Гай Юлий Цезарь, Тацит, Аммиан Марцеллин, региональная специфика германского мира, захоронения дружинных сообществ древней Германии и Скандинавии, военное сообщество древних германцев, вооружение древнегерманского воина.

Проблема функционирования и структурирования древнегерманского военного сообщества, а также его ценностей не относится к числу малоизученных в научной литературе. Значительное количество исследований, посвященных данной проблеме, основано прежде всего на нарративных источниках. Археологические же данные стали активно привлекаться лишь в последнее время. В данной статье мы попытаемся проследить эволюцию военного сообщества древних германцев, исходя из нарративных и археологических данных, и создать целостный образ древнегерманского дружинного сообщества. Объектом исследования являются древние германцы, проживавшие в IV–XI вв. как на границе с Римской империей и постимперским пространством, так и на периферии германского мира.

Нарративные и археологические источники признаются основными типами источников, используемых при изучении указанной проблемы, при этом обязательно в комплексе. Дело в том, что в случае отсутствия литературного или археологического свидетельства трудно делать вывод об использовании какого-либо оружия или существования тех или иных элементов дружинного быта у определенных групп германцев. Затрудняет исследование и неодинаковый охват письменными источниками разных племен Германии. Они характеризуют по большей части племена, которые жили близ римских границ, причем чаще всего как примитивный народ, уровень культуры которого невысок. Результаты археологических исследований также не позволяют составить целостное представление о материальной культуре всех германцев, хотя некоторые области, например, отдельные районы Скандинавии и область Эльбы-Везера, очень хорошо изучены археологами.

В данном исследовании в качестве нарративных источников были использованы прежде всего сообщения классических римских и греческих писателей (Гай Юлий Цезарь, Корнелий Тацит, Аммиан Марцеллин) и агиографическая литература (жития святых, несших слово Божие в германские земли с IV по IX в.).

В сообщениях римских и греческих писателей описывается жизнь и быт германцев в мирное и военное время в единстве с их религиозными представлениями. Однако они характеризуют те племена древних германцев, с которыми находились в непосредственном взаимоотношении, а о других племенах говорят с чужих слов. Кроме того, древние германцы описывались зачастую в соответствии с утвердившимися представлениями о том, как надлежит воспринимать германцев (топос «дикого германца»).

В агиографической литературе, несмотря на обилие легендарного материала и субъективность в оценке некоторых фактов, отразились многие черты народной жизни и содержатся ценные сведения по истории церкви, в частности, о ее отношениях с христианизированными народами, а

также о быте, нравах, ценностях и верованиях этих народов. Но при работе с житиями возникает ряд трудностей, с которыми сталкивается любой исследователь данной темы. Во-первых, многие из них дошли до нас не в первой редакции. Например, в житии св. Людгера указывается, что оно было написано Альтфридом, одним из последователей святого, через 60 лет после его смерти на основе собранных монахом Вердена материалов, 20 годами позже оно было переписано [St. Ludger..., 1954, p. 660]. Во-вторых, поскольку процесс христианизации у германских племен протекал по-разному, в житиях отражены временной фактор и степень влияния римско-христианской традиции. В-третьих, церковные сановники и священнослужители, являясь представителями знатнейших фамилий, которые выдвинулись во время войны и охоты, выступали посредниками между королем и его народом [Russell, 1994, p. 32]. Поэтому социальное происхождение и образ жизни церковных сановников и священнослужителей во многом способствовали уподоблению их вкусов и менталитета нравам дружинного сообщества, что нашло отражение в житиях [Кардини, 1986, с. 145]. Возможно, именно это может служить причиной противоречивости оценки многих событий, описываемые в житиях.

Археологические данные, связанные со значительным ареалом расселения германцев и достаточно широкими временными рамками, представлены материалами погребений древних германцев.

Сообщения Юлия Цезаря содержали хронологически наиболее ранний экскурс в этнографию германского народа, хотя и преследовали двоякую цель. С одной стороны, Цезарь, как политический деятель и полководец, был весьма далек от намерения собрать объективную информацию о германцах с чисто познавательной целью – он заботился и об оправдании и превознесении собственных действий в Галлии. Поэтому его «германский экскурс» касается лишь прирейнских племен или германцев, переселившихся в Галлию, что не помешало Цезарю распространить сделанные им локальные наблюдения на германцев в целом [Гуревич, 1999, с. 5]. С другой стороны, он рассматривает германцев как противника в случае завоевания Германии римлянами, которые выступят с цивилизаторской миссией, принеся германцам мир и порядок. Отсюда внимание уделяется прежде всего германскому войску и быту [Лосев, 2005, с. 175]. Цезарь «деформировал излагаемые им факты посредством особой интерпретации или почти неуловимым хронологическим смещением событий, иногда обходя их молчанием и концентрируя внимание читателя на другом» [Дуров, 1993, с. 48]. Таким образом, его повествование – это авторская интерпретация фактов, которая дана под определенным углом зрения и тем не менее позволяет охарактеризовать первичный эволюционный тип общественной организации древних германцев. Его можно определить как «преобладание резидентных групп», при котором «надобщинные структуры носили вторичный, обусловленный внешней агрессией, характер, а резидентные группы представлены областями и округами, во главе которых стояли *principes*» [Санников, 2005, с. 35]. Общественный уклад находил отражение в складывании пантеона богов, возглавляемого Тором – богом войны и правосудия.

В этот период основной формой захоронения была кремация. Об этом свидетельствуют сотни тысяч зарегистрированных захоронений, датированных между 100 г. до н.э. и 300 г. н.э. Кремация стала нормой в Северной Европе в среднем бронзовом веке и доминировала в предримском железном веке [Todd, 1977, p. 39]. Инвентарь захоронений довольно беден (вещи сопровождают лишь меньшую часть погребений), он состоял в основном из украшений, которые носил умерший. Но в два последних века до новой эры в погребениях снова появилось оружие, а на шведских островах в них стали класть серпы [Лебедев, 1974, с. 157]. Судя по всему, оба вида погребального инвентаря имели символическое значение. Начиная с этого времени и вплоть до окончания языческих времен существовал обычай ломать мечи, которые клались в погребение. Незначительное количество сопроводительного инвентаря, а также единообразие материала в отдельном могильнике позволяют говорить об имущественной однородности германских и скандинавских могильников в это время [Дэвидсон, 2005, с. 143].

Постепенное укрепление статуса военно-дружинной знати привело к тому, что фигура вождя приобретает все большее общественное значение. Вокруг него возникает окружение из дружинников [Санников, 2005, с. 36]. Это нашло свое отражение в трудах Тацита. Они были направлены против домицианской пропаганды, в частности, заверения в том, что Риму ничего не грозит со стороны германцев. Исходя из того, что германская опасность существует, Тацит дает картину жизни народа, являющегося источником этой опасности [Тронский, 1946, с. 468]. Он рассматривает жизнь

древних германцев в ракурсе нравственности, потому что именно *virtus* (доблесть) германцев представляет, на его взгляд, главную опасность для Рима [Дуров, 1993, с. 99]. Тацит описывает порядки германцев в категориях римского общества, но, «будучи оппозиционно настроенным по отношению к имперской власти в Риме, он стремится противопоставить распущенности римских нравов суровость и простоту нравов германского общества, в известной степени идеализируя их и скрыто восхищаясь ими [Лосев, 2005, с. 184].

Следует отметить, что Тацит, хотя и являлся наместником провинции Белгики, в свободной Германии не был. Он использовал многочисленные источники, письменные и устные, которые позволили ему осветить весь круг вопросов, поднимавшихся при описании народов, остановившись на том, что находилось в контрасте с римской жизнью [Гуревич, 1999, с. 6]. Тацит отмечает, что германское общество основывалось на кровнородственных отношениях. Мужчины «свободного рождения» формировали племенное собрание, которое решало вопросы войны и мира, разбирало уголовные дела. Германская армия состояла из *prínceps* (вожди), *comites* (свита), *pedites* (пехотинцы) [Тацит, VII]. Такую же трехуровневую структуру германской армии упоминает в своих трудах и Аммиан Марцеллин [Марцеллин, XXVII, 1.5].

В агиографической литературе встречается схожее описание древнегерманского общества. В житие св. Лебина, на которого была возложена христианизация Фризии и Саксонии (VIII–IX вв.), говорится о том, что в старые времена у саксов не было короля, но были старшие в каждой деревне. Их обычаем было собирать общее собрание раз в год в центре Саксонии, у реки Изер, в месте, называемом Marklo. Там также присутствовали 12 знатных от каждой деревни как представители свободных людей. Они утверждали законы, принимали решения в спорных случаях и одобряли план на следующий год, в соответствии с которым они могли жить в мире или ведя военные действия.

Присутствовавшие на общем собрании сначала возносили молитвы богам, согласно обычаю прося у них защиты для своей страны и поддержки руководства в принятии решений, полезных всем, и затем благодарили богов. После этого они образовывали круг и начинали дискуссии. Это собрание принимало посланников, которых встречали всегда с миром и которым нельзя было причинить вред [The life of Lebuin, 1954, p. 231]. На этом собрании находилась группа молодых воинов, которая располагалась на небольшом отдалении от остальных участников [Ibid., p. 232]. Св. Колумбан, побывавший в IX в. в скандинавских землях с христианской миссией, также обращает внимание на эту особенность. Он описывает эту группу как некое военное сообщество, построенное на узах братства: «свита равных друзей» [Life of St. Columban, II, XXIV]. Однако каких-либо подробных сведений о самой структуре военного сообщества в житиях не содержится.

Археологический материал, найденный на территории Скандинавии и Британии, позволяет в большей степени дифференцировать структуру военного сообщества древних германцев. В захоронениях встречаются три качественно различные комбинации вооружения, на основе чего можно выделить три уровня в иерархии военного сообщества. Первый уровень – это «командующие», «вожди», которые имели мечи, щиты, пояса и крепления из позолоченного серебра. Второй уровень состоял из «офицеров» с мечами, щитами, поясами и бронзовыми креплениями. Третий уровень – пехота – имел комбинацию из двух копий, щита и креплений из железа. Встречаются также комбинации со стрелами и конской упряжью.

Первоначально в захоронениях были распространены однолезвийные мечи, которые впоследствии почти вышли из обихода [Carnap-Bornheim, 1992, p. 4]. Начиная со II в. на смену им приходят обоюдоострые длинные мечи с инкрустациями, позволяющими достаточно точно определить социальную принадлежность их владельцев [Carnap-Bornheim, 1992, p. 5]. Захоронения, которые находились на территориях, граничащих с Римской империей, содержат мечи римского происхождения. Но чем дальше от границ с Римской империей, тем число мечей римского происхождения заметно сокращается [Brather, 2005, p. 6].

Каждому из трех уровней военного сообщества соответствовал свой тип щита. Для первого уровня характерны щиты, чьи ручки и другие элементы сделаны из серебра и украшены золотой фольгой. При этом ручки некоторых щитов были снабжены рунами. Щиты второго уровня имели бронзовые ручки, иногда покрытые золотой фольгой. Самые простые – железные – щиты принадлежали третьему уровню [Ilkjaer, 2001, p. 5]. Однако щиты всех трех уровней имели круглую форму.

Пояса и ножны отличались друг от друга по материалу, структуре и происхождению [Carnap-Bornheim, 1992, p. 2]. Первому уровню полагались пояса и ножны германского происхождения из серебра и других драгоценных металлов. Пояса и ножны римского происхождения с пластиной, двойной кнопкой, обручем принадлежали низшему уровню. Причем римский импорт не обязательно являлся эквивалентом высокого статуса [Carnap-Bornheim, 1992, p. 3]. Германские пояса и ножны были дороже, хотя порой и были скопированы с римского оригинала и приспособлены «под германское артистическое восприятие» [Matesi, 2010, p. 3]. Длина ленты, предназначавшейся для знаков отличия воина, определялась индивидуально. В численном отношении три уровня военного сообщества представлены следующим образом: первый – 2-3 % от общего числа захоронений, второй – 14-15 %, третий – 80 % [Grane, 2010, p. 18].

Одновременно происходит сакрализация власти конунгов, о чем свидетельствуют и труды Аммиана Марцеллина. Он обращает внимание на события на периферии империи [Марцеллин, XXXI]. Смещение акцента на периферийные события было связано с падением нравов в Риме. В то же время главной темой трудов Марцеллина остается «историческая миссия Рима – приобщение диких варварских племен к идеалам свободы и порядка путем их завоевания» [Лукомский, 1996, с. 18]. Варварский быт служил «своего рода экраном, на который он проецировал собственные идеи и утопии, и все заслуживающие доверия фактические сведения в его сочинениях надлежит оценивать именно в этом идеологическом контексте» [Гуревич, 1999, с. 6].

Сакрализация власти конунгов была связана с традицией возводить роды германских и скандинавских королей к асам и оформлением культа Одина [Fitch, 2003, p. 41]. Сакрализация власти конунгов нашла отражение и в появлении специфических погребальных сооружений – курганов [Санников, 2005, с. 39]. Согласно данным археологии в течение первых двух столетий нашей эры наряду с кремацией стало осуществляться погребение (в областях Дании, Поморья, в низовьях Вислы, на севере Ютландии и Южной Швеции). В центральных и восточных частях Германии погребение становится формой похорон для членов общества, занимавших в нем высокое положение. С третьего столетия нашей эры погребение стало относительно обычным явлением в южных областях Германии и пограничных с Римом районах [Todd, 1977, p. 39]. Свидетельства этого мы находим в житии святого Мартина, где описывается погребальный обряд, который он наблюдал во время своего путешествия по землям южных германцев [Life of St. Martin, XII, p. 43].

В житиях святых упоминается много оружия: ножи, топоры, копья, мечи, стрелы, но не определяются их место и роль в жизни древнегерманского воина, за исключением топора и меча. При этом топор как вид оружия доминирует над мечом по распространению, доступности и значимости. Меч выступает прежде всего в качестве маркера принадлежности к высшему уровню в иерархии военного сообщества. В текстах агиографий можно проследить эволюцию роли меча. Святой Мартин, несший слово Божье в землях южных германцев, указывает на то, что меч – это основной элемент вооружения воина [Life of St. Martin, II, p. 39]. Святой Виллиброд, описывая нравы данов и фризов, отмечал, что меч являлся подтверждением социального статуса своего владельца [The life of St. Willibrord I, 14, p. 13]. Святой Лебин, отправившийся по благословению Святого Бонифация в Саксонию, обращает внимание на то, что право ношения оружия определяло политический статус [The life of Lebuin, p. 89]. В житии святого Колумбана, проповедавшего в землях Скандинавии, из всех видов оружия чаще всего упоминаются топор и меч, которые не только подтверждали социальный статус своего хозяина, но и носили сакральный характер [Life of St. Columban. II, XXI, XXXVIII, p. 195].

Согласно данным археологии можно выделить несколько видов вооружения. В первую очередь это национальное оружие, к которому относились щит, копье, топор и односторонний меч – «сакс».

Щит – обычно широкий и овальный или прямоугольный – был снабжен железным умбоном и имел железную оковку [Todd, 2005, с. 146; Симпсон, 2005, с. 288]. Щиты или раскрашивали каким-то одним цветом, или делили на секторы, окрашивая их в контрастные цвета и получая простые геометрические узоры, что было характерно для простых щитов. Существовали и роскошные щиты, которые украшали пиршественные залы королей и князей [Симпсон, 2005, с. 285]. Статусная роль щита – подчеркивание высокого социального положения воина – отражена в «Салической правде» [Салическая правда, XXX, 6].

Копье было оружием рядовых воинов. Засвидетельствовано несколько типов копья. У фран-

ков и аламаннов это было копье с зазубренным наконечником (*ango*), которое, очевидно, отдаленно напоминало римское копье-пилум (*pilum*), метательное оружие легионеров [Todd, 2005, с. 137]. У англосаксов лучше остальных известны копья с длинным листовидным или ромбовидным наконечником, длина которого обычно составляла 30-45 см [Там же, с. 153]. Можно выделить два основных типа копья и у лангобардов – одно с широким наконечником, для удара, и другое с узким острием, которое хорошо подходило для метания. Примером более редкого, длинного типа копья, также предназначенного для метания, служит образец из Перхтольдсдорфа близ Вены, который напоминает франкский *ango* [Там же, с. 161]. Северные германцы использовали длинное копье с узким и коротким, но острым навершием [Симпсон, 2005, с. 286]. Такое многообразие этого вида оружия, возможно, было связано прежде всего с существенными различиями в тактике германских племен.

Топор в большинстве своем представлен *francisca*. Это метательное оружие с одним лезвием, утяжеленное топориче которого было изогнуто с внешней стороны и имело глубокую выемку с внутренней стороны [Todd, 2005, с. 146]. Боевые топоры северных германцев отличались от топоров остальных германских племен. Существовало три основных типа боевых топоров [Симпсон, 2005, с. 293]. Первый тип – это «ручной» топор, в котором оставалось еще много от рабочего инструмента: топор был достаточно легкий, насажен на длинное, обитое железом топориче, напротив лезвия находился вполне пригодный для использования молоток. Такой топор продолжал оставаться оружием крестьянина, и люди могли постоянно носить его в повседневной жизни, пользуясь им как инструментом или тростью и применяя как оружие в случае внезапного нападения. Второй тип – это «топор с бородажкой». Свое название он получил от характерного квадратного выступа на нижнем крае лезвия. Его особенно часто применяли в морских сражениях, поскольку из-за его формы такой топор прекрасно годился для захвата и абордажа. Третий, наиболее известный, тип – знаменитый «широкий», или «плотницкий», топор: тяжелая секира с длинной рукояткой. Им нужно было рубить двумя руками. Длина лезвия секиры доходила до 30 см, его украшали инкрустацией из серебра, золота или черни. Таким образом, топор занял особое место в экипировке прежде всего северных германцев, заменив собой копье, что было связано с особенностями местности и быта.

Односторонний меч «сакс» встречается практически у всех древних германцев. Он мог быть в виде длинного ножа или однолезвийного меча, длина которого составляла примерно 45 или 60–90 см [Todd, 2005, с. 158]. Этот факт позволяет говорить о единстве германского мира.

К отдельной группе можно отнести оружие, являющееся частью кельтского и римского импорта, – меч. До конца позднего римского периода меч играл относительно небольшую роль в германском вооружении, и прошли еще целые века, прежде чем германцы стали использовать мечи как основной вид оружия. Начиная с III и IV вв. в Скандинавии и северной Германии появляются великолепные мечи: на смену односторонним мечам приходят обоюдоострые. Многие мечи из Скандинавии и областей, прилегавших к римским границам по Рейну и Дунаю, достаточно близки к римскому типу короткого меча – «гладиусу» (*gladius*), и можно предположить, что они действительно восходят к этому оружию легионеров [Todd, 2005, с. 124]. К IV в. н. э. большинство мечников, как римских, так и германских, сражались длинным рубящим клинком кельтского происхождения – «спатой» (*spatha*). Некоторые из мечей этого типа вышли из рук ремесленников, владевших сложной техникойковки булатной (дамасской) стали. Принятие «спаты» на вооружение в римской армии было лишь одним аспектом длительного процесса «германизации» римского оружия и вооружения [Там же, с. 125]. Все больше варваров поступало в имперские пограничные войска. Появление в римских военных металлических изделиях излюбленных мотивов германского искусства – яркое тому свидетельство.

Еще один тип меча позднеримского периода – длинный меч типа рапиры с узким гибким клинком, весьма напоминающий средневековое фехтовальное оружие. Как и «спата», он использовался как германцами, так и римлянами, хотя его родиной была империя. Кроме вещей собственного производства германцы имели экипировку из двух источников (торговля и грабеж) – сначала из одного, а потом из другого [Там же, с. 126].

До того как римляне продвинулись в западную Германию, контакт с латенскими культурами центральных и западных кельтских земель привел к импорту прекрасных латенских мечей. Через этот канал торговли (и грабежа) германцы, видимо, познакомились с преимуществами обоюдоострого меча перед их собственными односторонними, похожими на секачи мечами. Уже с I в. до н. э.

импорт римского оружия, особенно мечей, помог многим германцам адекватно вооружиться. Как ни странно, огромное количество этого оружия, большая часть которого, несомненно, была трофеем успешных набегов и войн, а меньшая – плодом контрабанды оружия через римские границы, не использовалось в обычной жизни: его посвящали богам войны и топили в болотах, предварительно сломав или согнув.

Для германского сознания меч всегда был чем-то большим, чем просто оружие. Меч ассоциировался со многими существенными сторонами человеческой жизни: в первую очередь с обязанностями короля, феодальной верностью воина своему вождю, с принесением торжественных обетов, достижением мужской зрелости, с обрядами похорон [Алеманнская правда, 36. 2, 91; Англосаксонские законы, 46. 2; Салическая правда, XLVI, 1]. Меч был «собратом» (shoulder-companion) короля и воина, их «товарищем» [Гуревич, 1999, с. 37]. Без своего меча человек был пустым местом, он не мог защитить себя и свой дом. Неудивительно, что меч, боевые подвиги и сам процесс его изготовления были окружены ореолом мистики и связаны с множеством древних традиций [Кардини, 1986, с. 65]. Хорошие клинки передавались по наследству; зачастую у них были собственные имена; нередко их окружали легенды и табу [Brunner, 1894, p. 22]. Меч был личной наградой для верного дружинника или поэта и, как и корабль, постоянным предметом поэтического вдохновения [Вестготская правда, V, 2.2; Кодекс Эйриха, 310; Лангобардская правда, 172].

В агиографической литературе отмечается, что вся жизнь воина проходила в постоянных сражениях, охоте, пирах. В полной мере система отношений между членами комитата раскрывалась во время пиров, ибо именно здесь обсуждались важные вопросы: решение о сохранении мира или начале войны, заключение примирения, брачные союзы, обещание новых подвигов, распределение добычи. В житии св. Мартина дается описание пира одного короля, на котором он присутствовал как епископ города Tours (IV в.). Во время пира король передает кубок справа налево, по кругу, но св. Мартин нарушает этот порядок, передав кубок самому достойному после себя [Life of St. Martin, XX, 1894]. В этом эпизоде показано, как пир выполняет одну из важных форм социальной связи, выявляя прежде всего единство вождя и его дружины. Пиршественные наборы в могилах, по-видимому, могут являться материальным выражением такой связи [Лебедев, 1974, с. 163].

В целом в житийной литературе нравственные качества древних германцев – язычников характеризуются отрицательно. В то же время св. Виллиброд, который отправился в VII в. нести слово Божье в земли данов, говорил о том, что в рамках своего общества это были лучшие люди. Приведем одну из характеристик короля данов Онгенда: «более жесток, чем любой дикий зверь, и тверже, чем камень по характеру, который, тем не менее, был человеком чести» [The life of St. Willibrord..., I, 9]. С точки зрения христианской морали поведение воинов древних германцев не всегда являлось образцом для подражания. Но это не говорит о какой-то «аморальности» их поступков. Записи обычного права германцев представляют собой нескончаемые перечни проступков, требуемых возмещения. Просто они находились в иной плоскости, они принадлежали комитату, чья жизнь строилась на иных ценностях [Гуревич, 1972, с. 112].

Таким образом, на основании имеющихся материалов можно утверждать, что военное сообщество древних германцев было динамично развивающейся структурой со своей системой ценностей, взглядов и представлений, которая была тесно связана с их религиозными воззрениями. Развитие королевской власти влекло за собой изменения в сфере религиозных представлений и форме захоронений. Изменения в характере захоронений носили волновой характер: погребения становились основной формой захоронения на территориях, которые располагались ближе к римским границам и имели более тесные социально-экономические, политические и культурные связи с Римом. Региональная специфика германского мира нашла отражение в военной иерархии германского сообщества и статусе оружия. Нарративные и археологические источники позволяют выделить три уровня в иерархии военного сообщества, характерные для всех племен древних германцев. Первоначально основными элементами вооружения являлись копье, топор и щит, разные типы которых были связаны с национальными особенностями. Мечи встречались нечасто, в основном это были односторонние мечи – «саксы». С развитием социально-экономических отношений между Римской империей и германским миром количество мечей увеличивалось и меч становился основным элементом вооружения германского воина [Brather, 2005, p. 9; Grane, 2007, p. 85; Chadwick, 1961, p. 54]. Статус меча был неодинаков у разных германских племен, ибо с учетом фактора римского

влияния определяющую роль в вооружении и системе ценностей древнегерманского воина играли межплеменные отношения.

Древние германцы представляли собой единый уникальный организм, который существовал по своим законам, впитывая элементы чужой культуры, трансформируя и вплетая их в ткань своей культуры. Внутри германского мира существовала прочная связь, наличие которой объясняет особое положение древнегерманских племен Британии и Скандинавии, выступающих индикатором изменений структуры внутреннего и внешнего мира древнегерманского военного сообщества.

Библиографический список

- Алеманнская правда // Алеманнское и баварское общество VIII и начала IX вв. / под ред. Г.М. Даниловой. Петрозаводск, 1969.
- Англосаксонские законы: Законы Этельберта, Законы Хлотаря и Эдрика, Законы Унтреда, Законы Инэ // Хрестоматия по истории средних веков / под ред. С.Д. Сказкина. М., 1961. Т.1.
- Вестготская правда // Хрестоматия по истории средних веков / под ред. С.Д. Сказкина. М., 1961. Т.1.
- Гуревич А.Я. Диалектика судьбы у германцев и древних скандинавов. Человеческое достоинство и социальная структура. URL: <http://norse.ulver.com/texts/index.html> (дата обращения: 11.05.06).
- Гуревич А.Я. Древние германцы. Викинги // Избранные труды. М.; СПб., 1999. Т. 1.
- Гуревич А.Я. История и сага. М., 1972 .
- Дуров В.С. Художественная историография Древнего Рима. СПб., 1993.
- Дэвидсон Х.Э. Древние скандинавы. Сыны Северных богов. М., 2005.
- Кардини Ф. Истоки средневекового рыцарства. М., 1986.
- Кодекс Эйриха // Хрестоматия по истории средних веков / под ред. С.Д. Сказкина. М., 1961. Т.1.
- Лангобардская правда. // Хрестоматия по истории средних веков / под ред. С.Д. Сказкина. М., 1961. Т.1.
- Лебедев Г.С. Шведские погребения в ладье VII–XI вв. // Скандинавский сборник. Таллин, 1974. Вып. 19.
- Лосев А.Ф. Античная литература. М., 2005.
- Лукомский Л.Ю. Аммиан Марцеллин и его книга // Марцеллин Аммиан. Римская история. М., 1996. Марцеллин Аммиан. История, XXVII, 1.5; XXXI // Древние германцы: сб. док. / сост. Б.Н. Граков и др. М., 1937.
- Салическая правда // Хрестоматия по истории средних веков / под ред. С.Д. Сказкина. М., 1961. Т.1.
- Санников С.В. Религия на службе королевской власти в дохристианской Германии и Скандинавии // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2005. Т. 4, вып. 1: История.
- Симпсон Ж. Викинги: быт, религия, культура. М., 2005.
- Тацит Корнелий. Германия // Древние германцы: сб. док. / сост. Б.Н. Граков и др. М., 1937.
- Todd M. Варвары. Древние германцы. Быт, религия, культура. М., 2005.
- Тронский И.М. История античной литературы. Л., 1946.
- Brather S. Acculturation and ethnogenesis along the frontier: Rome and the ancient Germans in an archaeological perspective. London, 2005.
- Brunner H. Forschungen zur Geschichte des deutschen und französischen Rechtes. Stuttgart, 1894.
- Chadwick H. S. Soldiers and settlers in Britain, IV–V century // Medieval archaeology. 1961. Vol. 5.
- Fitch E. The Rites of Odin. St. Paul, MN: Llewellyn, 2003.
- Grane T. Scandinavian armies in the late Roman period // XVII Roman military equipment conference. Zagreb, 2010.
- Ilkjaer J. Centres of power in Scandinavia before the medieval kingdoms // Birgit Arrhenius. Kingdoms and regionality: transactions from the 49th Sachsensymposium, 1998, in Uppsala. Stockholm University, 2001.
- Life of St. Columba // Talbot S.N. Anglo-Saxon missionaries in Germany. New York, 1954.
- Life of St. Martin // Roberts A. A select library of Nicene and Post-Nicene fathers of the Christian church. New York, 1894.
- Matesi S. Elements of military equipment from Thorsberg Moor // XVII Roman military equipment conference. Zagreb, 2010.

- Russell J. The germanization of early medieval Christianity. Oxford, 1994.
St. Ludger, bishop of Munster, apostle of Saxony // Talbot S.N. Anglo-Saxon missionaries in Germany. New York, 1954.
The life of Lebuin // Talbot S.N. Anglo-Saxon missionaries in Germany. New York, 1954.
The life of St. Willibrord by Alcuin. I, 14 // Noble T.F.X., Head T. Soldiers of Christ: Saint and Saint's lives from late antiquity and the early middle ages. Pennsylvania, 1995.
Todd M. Germanic burials in the Roman Iron Age // Burial in the Roman World. London: Council for British Archaeology, 1977.
Carnap-Bornheim C. von. Römische Militaria aus der jüngeren römischen Kaiserzeit in Norwegen – «Export» römischer negotiatores oder «Import» germanischer principes? // Peregrinatio Gothica III. Oslo, 1992.

Дата поступления рукописи в редакцию 28.01.2014

OLD GERMAN MILITARY COMMUNITY ACCORDING TO ARCHAEOLOGISTS AND NARRATIVE TRADITION

S. V. Nechaeva

Perm State University, Bukireva str., 15, 614990, Perm, Russia
Nechaeva310@yandex.ru

The article deals with the functioning and structuring of the Old Germanic military community. Its values and military system are described on the basis of Roman historical tradition, hagiography and archaeological data. The author analyses the development and consolidation of military community's status within the Old German society. Gradual development of the chief (royal) power provided some changes in religion and burial customs of the Old Germans. The study of the burial conception of the Old Germans during the age of the Great Resettlement allows to investigate the consciousness of a warrior society. The changes of burial practices prove the dependence of Burial rites on the proximity to the Roman border. The results of archaeological studies of Old German warriors demonstrate close social, economical, political and cultural ties between the Old Germans and the Roman Empire. The German religion world outlook reflected in a German military hierarchy and in demonstrative weapon significance. The weaponry technique and the role of weapon in German life are under investigation in the article. The Old German military community is considered to be a unified unique organism. It was based on its own rules and demonstrated the elements of different cultures. There were continuous relations within the Old German world which enable to pick out certain markers of the inner and outer military community's changing.

Key words: narrative sources, hagiography data, Julius Caesar, Tacitus, Ammianus Marcellinus, regional feature of the Germanic world, burial places of the military society of ancient Germany and Scandinavia, military society of Old German people, armament of ancient German warriors

References

- Alemanskaya pravda // Alemanskoe i bavorskoe obshchestvo VIII i nachala IX vv. / pod red. G.M. Danilovoy. Petrozavodsk, 1969.
Anglosaksonskie zakony: Zakony Etel'berta, Zakony Khlotarya i Edrika, Zakony Untreda, Zakony Ine // Khrestomatiya po istorii srednikh vekov. T.1 / pod red. S.D. Skazkina. M., 1961.
Davidson Kh.E. Drevnie skandinav. Syny Severnykh bogov. M., 2005.
Durov V.S. Khudozhestvennaya istoriografiya Drevnego Rima. SPb., 1993.
Gurevich A.Ya. Dialektika sud'by u germantsev i drevnikh skandinavov. Chelovecheskoe dostoinstvo i sotsial'naya struktura. URL: <http://norse.ulver.com/texts/index.html> (data obrashcheniya: 11.05.06.).
Gurevich A.Ya. Drevnie germantsy. Vikingi // Izbrannye trudy. M., SPb., 1999. T. 1.
Gurevich A.Ya. Istoriya i saga. M., 1972.
Kardini F. Istoki srednevekovogo rytsarstva. M., 1986.
Kodeks Eyrikha // Khrestomatiya po istorii srednikh vekov. T.1 / pod red. S.D. Skazkina. M., 1961.
Langobardskaya pravda. // Khrestomatiya po istorii srednikh vekov. T.1 / pod red. S.D. Skazkina. M., 1961.
Lebedev G.S. Shvedskie pogrebeniya v lad'e VII-XI vv. // Skandinavskiy sbornik. Tallin, 1974. Vyp. 19.
Losev A.F. Antichnaya literatura. M., 2005.
Lukomskiy L.Yu. Ammian Martsellin i ego kniga // Martsellin Ammian. Rimskaya istoriya. M., 1996.
Martsellin Ammian. Istoriya, XXVII, 1.5; XXXI // Drevnie germantsy: sb. dokumentov /sost. B.N. Grakov i dr. M., 1937.
Salicheskaya pravda // Khrestomatiya po istorii srednikh vekov. T.1 / pod red. S.D. Skazkina. M., 1961.

- Sannikov S.V.* Religiya na sluzhbe korolevskoy vlasti v dokhristianskoy Germanii i Skandinavii // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Istoriya, filologiya. 2005. T. 4, vyp. 1: Istoriya.
- Simpson Zh.* Vikingi: byt, religiya, kul'tura. M., 2005.
- Tatsit Korneliy. Germaniya. // Drevnie germantsy: sbornik dokumentov / sost. B.N. Grakov i dr. M., 1937.
- Todd M.* Varvary. Drevnie germantsy. Byt, religiya, kul'tura. M., 2005.
- Tronskiy I.M.* Istoriya antichnoy literatury. L., 1946.
- Vestgot'skaya pravda // Khrestomatiya po istorii srednikh vekov. T.1 / pod red. S.D. Skazkina. M., 1961.
- Brather S.* Acculturation and ethnogenesis along the frontier: Rome and the ancient Germans in an archaeological perspective. London, 2005.
- Brunner H.* Forschungen zur Geschichte des deutschen und französischen Rechtes. Stuttgart, 1894.
- Chadwick H. S.* Soldiers and settlers in Britain, IV–V century // Medieval archaeology. 1961. Vol. 5.
- Fitch E.* The Rites of Odin. St. Paul, MN: Llewellyn, 2003.
- Grane T.* Scandinavian armies in the late Roman period // XVII Roman military equipment conference. Zagreb, 2010.
- Ilkjaer J.* Centres of power in Scandinavia before the medieval kingdoms. // Birgit Arrhenius. Kingdoms and regional-ity: transactions from the 49th Sachsensymposium, 1998, in Uppsala. Stockholm University, 2001.
- Life of St. Columba // Talbot S.N. Anglo-Saxon missionaries in Germany. New York, 1954.
- Life of St. Martin // Roberts A. A select library of Nicene and Post-Nicene fathers of the Christian church. New York, 1894.
- Matesi S.* Elements of military equipment from Thorsberg Moor // XVII Roman military equipment conference. Zagreb, 2010.
- Russell J.* The Germanization of early medieval Christianity. Oxford, 1994.
- St. Ludger, bishop of Munster, apostle of Saxony // Talbot S.N. Anglo-Saxon missionaries in Germany. New York, 1954.
- The life of Lebuin // Talbot S.N. Anglo-Saxon missionaries in Germany. New York, 1954.
- The life of St. Willibrord by Alcuin. I, 14 // Noble T.F.X., Head T. Soldiers of Christ: Saint and Saint's lives from late antiquity and the early middle ages. Pennsylvania, 1995.
- Todd M.* Germanic burials in the Roman Iron Age. // Burial in the Roman World. London: Council for British Archaeology, 1977.
- Carnap-Bornheim C. von.* Römische Militaria aus der jüngeren römischen Kaiserzeit in Norwegen – «Export» römischer negotiatores oder «Import» germanischer principes? // Peregrinatio Gothica III. Oslo, 1992.